

Писатель о писателе

Зайнаб Бишева, с которой я познакомился в Малеевке, в Доме творчества, — человек большой, завидной судьбы. Старейшая башкирская советская писательница, лауреат республиканской премии имени Салавата Юлаева, автор трилогии «К свету», ряда повестей, рассказов, пьес, стихотворений и произведений для детей. За успехи в литературе, активную общественную деятельность Зайнаб Абдулловна Бишева награждена тремя орденами «Знак Почета».

Зайнаб Бишева, писатель-коммунист, не зная устали, трудится вдохновенно и плодотворно. Несколькими раз издавались на русском языке ее повести «Странный человек», «Будем друзьями», «Думы, думы», романы «Униженные», «У Большого Ика» (из трилогии «К свету!»). Драма З. Бишевой «Обет» была удостоена диплома I степени и поставлена в Ленинградском драматическом театре.

Еще первый школьный учитель Султан-Гарей Тукаев поддерживал литературные начинания Зайнаб, которая начала писать стихи в четвертом классе. Увлечение поэзией, литературой продолжалось и в институте народного образования в Оренбурге, куда Зайнаб по путевке комсомола рекомендовали на учебу...

После успешного окончания института Зайнаб Бишева работает учительницей в селе Тесьсово Баймакского района. Потом будет Уфа, где начинается работа в редакциях. Она редактирует журнал «Пионер», сотрудничает в Башкиргиздате, в радиовещании для детей и юношества, в редакции областной газеты.

«Среди водолазов» — первый рассказ, который был опубликован в 1930 году в журнале «Октябрь» (теперь «Агидель»). Он стал началом творческого пути.

В годы Великой Отечественной войны З. Бишева вступает в ряды КПСС. Много трудится как журналист и утверждается как писатель. В 1942 году вышла ее первая книга — повесть «Мальчик-партизан». По мотивам повести в Башкирском академическом театре была поставлена инсценировка «Дружба».

Художник многогранный, с разносторонним дарованием, З. Бишева после войны создает повести «Странный человек», «Думы, думы», «Где ты, Гюльниса?», которые получили широкую известность. Усиленно и успешно осваивает она жанр драмы. Пьесы «Гульбадар», «Волшебный курай», «Дружба», «Обет» ставятся на сценах театров страны.

У нас были долгие и откровенные беседы с Зайнаб Абдулловной. Она увлеченно рассказывает о себе, о своей жизни. Ее живые, карие глаза всегда будто улыбаются... Когда слушает, лицо ее сосредоточенно: она будто видит, что вы думаете. Бывает, что она словно о чем-то замечталась и подолгу молчит... И вдруг стряхивает с себя усталость; возможно, о чем-то вспоминая, как бы всматривается в себя. Может, она думает о путях своего трудного счастья...

— О чем задумались, Зайнаб Абдулловна?..

— Я вспомнила, как Бальзак однажды прислал Стендалю журнал «Парижское обозрение» со своим очерком «Этюды о Бейле». И тот в ответ ему писал: «Вы скажились над сиротой, покинутым на улице». Это Бальзак обрадовал Стендалю, на которого было тогда много нападок, «изумительной статьей, какой никогда ни один писатель не получает от другого»...

— Зайнаб Абдулловна, вам ли это вспоминать?! У вас такая завидная судьба. Большое писательское счастье...

Зайнаб Абдулловна как-то иронически улыбнулась, вздохнула:

— Как сказать...

И, помолчав, добавила, так же загадочно улыбаясь:

— Только доброту я признаю мерилом превосходства, как сказал великий Ромен Роллан... Люблю этого писателя...

Зайнаб Абдулловна вспоминает:

— Да, трудное было время, в нужде и горе, в бедности прошло мое детство. Но любовь к людям, к родным местам, к любимым принуждает забывать и прощать... Это — одна из заповедей любви...

В один из ветреных, но ярких до боли в глазах солнечных дней мы шли мимо великанов-дубов, в расщелинах которых, будто дятел, скрипел упругий ветер. Зайнаб Бишева говорила:

— А знаете, мне здесь пишется хорошо... В мыслях — книга воспоминаний. Есть что сказать о своем народе, о друзьях и собратях по перу. Особо о тех, кто без поры ушел из жизни. Если я не скажу, тогда кто скажет? Нет уже их, на-

ших первых, наших зачинателей башкирской советской литературы. Того, что скажу я, никто из наших младших коллег не скажет. А сказать надо, это наш писательский и гражданский долг, обязанность живых перед ушедшими...

Сама я рано осталась без родителей. Когда мне было три года, умерла мать, а в одиннадцать я потеряла отца. Он был человеком передовых взглядов, детей своих воспитывал так, чтобы мы были честными, правдивыми, имели свое достоинство.

И мой муж Газиз, с которым познакомилась тогда, в предвоенные годы, тоже сирота. Партийный работник. Нас послали в район, где он редактировал районную газету, а я ему помогала. Потом мы переехали в Уфу. Когда началась война, мужа отправили на фронт. Даже проститься как следует не успела. В войну пришлось трудиться, как и всем нашим женщинам, и за себя, и за мужа. Жили мы в бараке, где зимой и холод, и голод, и теснота. А на руках — двое детей. Раненый и контуженный муж вернулся в 1944

г. талкивают и поднимают на работу люди, которые ушли без поры из жизни. Мои молодые собратья по перу мне напоминают: «Ты — живая. Ты знаешь нас, знаешь, почему мы без времени ушли из жизни...» А потом в работе, в труде, я нахожу покой...

Вот пишу трагедию. И сейчас еще пишу стихи. В газету отдаю. Печатают, между прочим, охотно... Просят, значит, хорошо: я людям нужна! Я живу, тружусь для людей.

Тогда же, рассуждая о жизни и литературе, сказала:

— Правда и утверждение истины неотделимы: правда и писатель — это сама правда и сама истина, ибо он ее проповедник и, исповедуя, сам должен быть примером, образцом...

— Литература, — говорит Зайнаб Абдулловна, — моя жизнь. Это борьба за человека, идеал которого рожден Великим Октябрем. Новый человек — это, конечно, труженик, создатель и всегда борец против зла и насилия, против пошлости, мещанства, неумоимо сражающийся за лучшие, передо-

„В ЛИТЕРАТУРЕ ЖИЗНЬ МОЯ“

году домой. Все соседки удивлялись, как я все это вынесла — и растила детей, и успевала на работе...

В другой раз Зайнаб Абдулловна говорит:

— Мои герои — красивые, честные. Я и своих детей воспитывала в таком же духе. Они — моя материнская радость. Кого ни возьми — и старшего Дарвина (он — врач, работает в Уфе), и среднего Юлая (кандидат технических наук, работает в Москве, в Институте математики Академии наук СССР), младшего — Тэльмана (математик). А муж, скажу, был моим четвертым ребенком. Мы вот прожили более тридцати пяти лет, и все годы после войны за ним, как за ребенком надо было ухаживать, лечить его. Можно представить, как мне было работать в таких условиях. А соседки говорили: «Конечно, за таким мужем можно стать писательницей». Написала я как будто за послевоенное время немало, да и общественная работа у меня не на последнем плане. Я люблю правду не только в литературе, но и в жизни. Всю жизнь я жила честно, и честность, правдивость отстаиваю. По моему, только тот может быть борцом за правду и за честность, кто сам честен и правдив в жизни. Не может плохой, злой человек быть писателем, потому что писательство — это и самовыражение. Чтобы создавать живые, полнокровные образы, надо быть самому человеком незаурядным, иметь «нечто» за душой. Это «нечто» и есть его внутренний мир, его отношение к жизни, к людям...

— Зайнаб Абдулловна, а когда вы почувствовали, что ваше призвание — сочинительство? Когда вы стали писателем?..

Зайнаб улыбается, читает стихи, сочиненные ею давно, в молодые годы:

— Я в мир пришла, чтоб жертвовать собой.

А не пощады ждешь на лобном месте!..

Помолчав, продолжает, предаваясь воспоминаниям:

— Я родилась с песней. Как себя помню, сочиняю стихи. Начала со стихов, песен, а вот уже и трилогия есть. Времени осталось, как говорится, в обрез. И я тороплюсь. Можно сказать, тороплю время. Работать по десять-двенадцать часов. Устаю, конечно. Десять страниц — это я делаю подстрочник к моей драматической поэме в стихах. Вот до обеда написала шесть, а еще после прогулки надо написать четыре...

...Утром как-то Зайнаб без всякого предисловия, как будто мы об этом говорили, заметила:

Меня как будто бы под-

вые идеалы человечества. Все это я старалась изобразить в своих книгах.

Я спросил у Зайнаб Бишевой:

— Как вы считаете, Зайнаб Абдулловна, что делает писателя настоящим, глубоко национальным писателем?

— Правда жизни, — ответила Зайнаб, — глубокая, неподкупная правдивость и художественное мастерство. Я старалась, насколько у меня хватало мастерства и мужества (да, мужества, ибо писатель — всегда боец). В художественных образах стремилось воплотить типичные черты своего народа. Надо, чтобы читатель увидел в произведении реальную жизнь, реального человека...

...Мы идем нашей излюбленной дорожкой по аллею из молодых лип, которые пьют солнечный свет, струющийся из поднебесья, где будто застыли корабли учучевых облаков. Свет, как паводок, затопляет все вокруг — кусты, деревья, дорожки...

Снова Зайнаб Абдулловна возвращается к своей жизни:

— Я была в числе первых комсомолок, — вспоминает Зайнаб Абдулловна. — Вступила в комсомол в 1925 году, когда училась в институте в Оренбурге. Когда работала учительницей в селе Темясово, там возглавляла кустовую комсомольскую ячейку. Чтобы стать настоящим коммунистом, я с большим вниманием стала читать Ленина. Прочитала статьи о Н. Крупской, Коллонтай, Землячке. Думала: вот это настоящие женщины! Для меня слова «большевик», «коммунист» стали самыми святыми. Я все время читала. Очень много читала, чтобы стать полезной для общества. Я осознанно готовилась к высокой цели — стать литератором.

— Знала ли я Мусу Джалиля? — переспросила меня Зайнаб Абдулловна. — А как же, знала. Были не однажды на писательских форумах. Он тогда, в довоенное время, только начинал писать стихи. Знала и Э. Кутуя, который в войну написал интересную повесть «Неотосланные письма». Тоже молодой умер. Талантливые, мужественные были ребята...

Разговор снова идет о письмах, которые присылают читатели З. Бишевой со всех уголков страны.

— Думаю, возвращаться к читательским письмам. Вот приеду в Малеевку, осенью и засяду. Это будет книга, которую хочу назвать «Письма к внуку». Есть у меня и внук Исхандер, ученик 6-го класса. Ему будет посвящена эта книга...

Заканчивая эти заметки, хочется подчеркнуть, что знакомство с такими людьми — радостное и незабываемое; оно обогащает тебя, прибавляет сил, вызывая самые светлые чувства восхищения.

Степан КУХАРЕВ.